

Сергей Арно

День всех влюбленных

16+

Сергей Арно

День всех влюбленных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58143538

SelfPub; 2020

Аннотация

Роман о любви и кулинарии в самых изощренных их формах. Загляните на пиршества клуба «Петербургский гурман» и узнайте, что же любят «сливки» общества...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	28
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Хотя бы уж труп расчлененный

Моей любимой жене.

– Вера Николаевна?! Что-нибудь случилось?

Перед Максимом стояла Маринина мать. Он не сразу признал ее: она постарела за те полгода, что они не виделись.

– Марина пропала.

– Пропала, – повторил Максим как-то механически. – Я так и думал... пойдете в дом, мы там сможем поговорить спокойно.

Вокруг двухэтажного каменного дома расположился сад. Сейчас в сгустившихся зимних сумерках трудно было разглядеть, насколько велик сам дом, но было видно, что он размера немаленького. От любопытных глаз его скрывал высокий бетонный забор с колючей проволокой по самому верху.

Максим, чуть замедлив шаг, оглянулся, внимательно всмотрелся в темные силуэты росших по краям дорожки кустов.

Они прошли через двор, по скрипучей деревянной лестнице поднялись на второй этаж. Максим пропустил гостью в дом, а сам остановился у входа и осмотрел темные кусты. Его явно что-то беспокоило. Комната, в которую они про-

шли, имела отдельный вход и принадлежала лично Максиму. Считалось, что кроме него, сюда никто не имеет права входить. Она была обставлена как дорогой кабинет: стеллажи с книгами по стенам, огромный старинный стол красного дерева с компьютером, на полу шкура бурого медведя.

Вера Николаевна, не снимая пальто, уселась в кожаное кресло. Максим сел напротив.

Вера Николаевна неряшливая и взбалмошная особа в очках с толстыми стеклами с виду соответствовала своему пятидесятилетнему возрасту. Они не питали друг к другу приятных чувств с первого знакомства.

– Я не хотела звонить по телефону, чтобы нас не подслушали. Я думала ты можешь знать, где она, – Маринина мать как-то нелепо развела руками. Она вообще вела себя неестественно. Сейчас при свете люстры Максим увидел, что лицо у нее темного цвета и вовсе не от загара – видно было, что почернела она от горя.

– Мы не виделись уже, наверное, недели две. Я вообще-то только вчера приехал, – зачем-то соврал он.

– Вышла в поликлинику – она в поликлинике обследовалась, – а домой не вернулась. Я уж и не знаю куда идти, – сказала Вера Николаевна, растерянно пожимая плечами. – Я в милицию заявление написала, они обещали – будут искать. Но ведь человек не иголка, она ведь не могла пропасть просто так, без трупа. Я и морги все обходила. Уж хотя бы труп какой-никакой...

Максим снял в задумчивости очки, положил их на стол – вид у него сразу стал обиженным и больным. И сразу стало понятно, что не мир открывался для него при помощи диоптрических линз, а это он за линзами скрывался от мира. И весь его лоск и самоуверенность ничегошеньки не значили, если снять очки...

– А уехать она не могла?

– Да уж мне-то она бы сообщила. С тех пор как вы развелись, она все мне рассказывала, и то, что ты здесь... – она обвела взглядом помещение. – И что ты женился... Она ведь бывала у вас. Припомни, может быть, она что-нибудь говорила про свой отъезд... Да мне хотя бы труп на худой конец. Ну, вспомни, Максим, ведь это твоя бывшая жена.

– Что же я могу вспомнить, Вера Николаевна. Она приходила к нам на свадьбу. Матильда хотела видеть ее на свадьбе. Тут все вполне прилично прошло. Потом она поехала домой, и я больше ее не видел. А вам она, что говорила про меня, ну, в смысле, про нас... – надев очки, он вновь превратился в нахального, настырного, самоуверенного и даже подловатого молодого человека. Он очень внимательно смотрел в глаза Вере Николаевне.

– Да всякую чушь, ерунду всякую говорила... Переживала ваш развод. Хотя чего переживать, добра такого!.. да разве объяснишь.

Она смерила Максима взглядом бывшей тещи.

– Да, я понимаю, – Андрей опустил глаза к полу. – Но ведь

это жизнь.

– Можешь не объяснять... – прервала его женщина. Она хотела добавить еще что-то оскорбительное, но, как видно, передумала. – Может быть, ты что-нибудь посоветуешь – позвонить кому или... ведь страшно потерять вот так дочь. И трупа даже нет... она ведь у меня единственная. Может быть, на вашей свадьбе она с кем-нибудь познакомилась?

– Если что-нибудь узнаю, я, конечно, сообщу. А давно она пропала?

– Уже три дня. Вышла в поликлинику, а я жду, жду ее...

– Ну, это, по-моему, не такой уж большой срок, чтобы так волноваться.

Вера Николаевна поднялась.

– Ну вот, и ты ничего не знаешь. Значит и сюда напрасно... Может морги снова обшмонать, – проговорила она, и глаза ее вдруг просветлели. Это было заметно даже сквозь толстые стекла. – Там ведь столько трупов – закопаешься.

Она подошла к столу, в задумчивости взяла с него черную шкатулку и, близко поднеся к глазам, принялась ее разглядывать.

Шкатулка и вправду вида была диковинного, заботливо и туго овитая тончайшими проволочками с вплетенными в них золотыми жилками. Работа была ручная, и руки мастера придали шкатулке какой-то особенный чарующий вид – хотелось рассматривать, поглаживать ее нежную поверхность. Внутри она была оклеена черной замшей. В ней ничего не

было, да и что положишь в такую шкатулку. Даже золото, казалось, будет недостойно ее: она сама по себе была уже произведением высокого искусства. Шкатулка была словно одушевленная – не хотелось выпускать ее из рук. Должно быть, что-то подобное чувствовала и Вера Николаевна, разглядывая шкатулку.

– Это же из волос... из волос человеческих!.. – вдруг воскликнула она. – На Маринины похожи...

Вера Николаевна вдруг швырнула шкатулку на стол, словно обожглась или ощутила от нее нечто совсем омерзительное. Несколько секунд смотрела на лежащую на столе шкатулку с ужасом, глаза ее вдруг наполнились слезами, и она бросилась прочь из комнаты.

Максим догнал ее на лестнице.

– Хотя бы труп, хотя бы труп какой... хоть расчлененный даже, – шептала женщина, быстро спускаясь по ступеням.

– Я сообщу вам обязательно, если что-нибудь... – Но, увидев в глубине сада человеческий силуэт, Максим осекся и замолчал. Человек стоял возле забора. Его невозможно было разглядеть впотымах, но это был человек, и он смотрел на спускающихся по лестнице людей. – Вот номер моей трубки, – еле слышно проговорил Максим, сунув в карман плаща Веры Николаевны клочок бумаги. – Можете звонить...

Больше Максим ничего не говорил, потому что они подошли к стоящему человеку слишком близко, и он мог слышать. Но слышала и понимала ли его сама Вера Николаевна?

Слезы бежали у нее из-под очков, она находилась в крайне возбужденном состоянии и только шептала все про труп, про труп.

Максим закрыл за ней дверь на улицу и развязной походкой направился к тому месту, где видел человека, сердце учащенно билось. "Ну, я тебе сейчас устрою!"

Он подошел совсем близко.

– Ну что, не страшно тебе тут в темноте?.. Замерз, наверное?

Максим сделал еще шаг и остановился – у забора никого не было. Он ошибся. Падавшая от дерева тень и вправду напоминала человеческий силуэт. От сердца отлегло. Запиликал мобильный телефон на поясе, Максим посмотрел на высветившееся имя и поднес трубку к уху.

– Иду, моя дорогая... Я тоже проголодался.

Глава 2

Куплю волосы

Дорого
Деньги сразу.

– Человеческие волосы... Господи, зачем нужны человеческие волосы?..

Марина поморщилась и отвернулась от объявления.

– Эни, бени, раба...

Перед Мариной стоял молодой человек в черном, застегнутом на все пуговицы пальто. На голове поверх шерстяной шапочки у него был повязан полосатый мохеровый шарф, словно у него болели зубы. Но лицо было радостным, даже счастливым.

– Эни, бени, раба... – повторил молодой человек, вопросительно глядя на Марину.

Марина сразу поняла, что перед ней человек придурковатый.

– Квинтер, финтер, жаба! – вспомнив считалку из детства, проговорила она громко и отчетливо в лицо молодому человеку.

Эта незатейливая, ничего не значащая фраза привела молодого человека в восторг. Он вдруг подпрыгнул и захлопал в ладоши.

– Я тебя с Мотей познакомлю, – сказал он, счастливо улыбаясь всем своим круглым лицом. Марина оглядела придурковатого человека с ног до головы, повернулась и пошла от него на другую сторону.

– До свидания! – прокричал молодой человек уже с другой стороны улицы, прощально махая ей рукой.

Марина посмотрела в его сторону. "Господи, как на бабу похож", – подумала она, доставая из кармана бумажку с адресом, чтобы свериться с памятью.

Она остановилась перед железной дверью в высоком бетонном заборе и, надавила кнопку звонка.

Звоночек прозвучал как-то хило. Ей даже показалось, что звук только померещился. Марина подняла голову и посмотрела на массивную цифру на двери, чтобы убедиться, что не ошиблась. Она бы никогда не пошла в этот дом, но исчезновение мужа и последовавшие за этим странные события толкнули ее на этот шаг.

Подождав немного, позвонила снова.

– Знаешь, если ты будешь трезвонить, я тебя пошлю к чертовой бабушке. Обжора тебя подери!

Марина вздрогнула – так неожиданно совсем рядом прозвучал женский голос, тембр у него был какой-то неприятный, с дребезгом. Голос доносился из небольшого устройства, расположенного рядом с дверью.

– А что мне делать? – спросила она, глядя на домофон как на живого человека.

– Что делать?! За чем пришла, то и делай. Заходи, балда!..

Марина толкнула оказавшуюся не запертой дверь и вошла.

Двухэтажный кирпичный дом выглядел внушительно, только, пожалуй, мрачновато. Или так только казалось в дневных сумерках промозглой зимы, какая в Петербурге навеивает уныние, грусть и мысли если не о самоубийстве, то уж во всяком случае о неизлечимых болезнях и преждевременной, непременно преждевременной и непременно мучительной кончине.

Пройдя через небольшой дворик, Марина вошла в дом и оказалась в просторной зале первого этажа. Если бы она была богатой и строила себе дом, нет, никогда она не сделала бы себе такой комнаты: сводчатые потолки, темные гобелены на стенах, картины в золоченых рамах – мрачно, как в средневековом замке.

– Ути-пути, какая славненькая девчоночка к нам пожаловала, – раздался из угла женский голос. – Прямо конфетка.

Марина не сразу заметила женщину, развалившуюся на кожаном диване в правом углу комнаты, хотя не заметить ее было трудно.

– Здравствуйте, – сказала Марина подходя.

Женщина возлежала на боку, облокотившись. Ее нельзя было назвать просто толстой. Она была живописно, нечеловечески, противоестественно толстой. Огромные щеки в сеточках красных прожилок лежали на плечах, рыхлый жи-

вот свисал на диван, ляжки напоминали два свиных окорока, жирные руки с маленькими пальчиками, каждый из которых походил на венскую сосиску с наманикюренным ногтем, выглядели омерзительно.

Она и сама смотрелась как буженина, вот только посыпать зеленью, обложить помидорками, чуть поперчить и можно подавать. Несмотря на свою чрезмерную полноту, она, кажется, не старались ее укрыть или хотя бы как-нибудь приукрасить. Наоборот, одета она была для ее конституции вызывающе – в облегающие ноги лосины и короткую розовую майку, открывавшую целлюлитные плечи и складки белого живота. Все это великолепие заканчивали жидкие сальные волосы цвета крашеной блондинки, стянутые под резинку, и это Марине показалось особенно в ней гадким и отталкивающим.

Перед ней стоял стеклянный столик, накрытый к чаю.

– Садись, голубушка, – проговорила эта гора мяса дребезжащим человеческим голосом. – Ну вот, хоть ты пришла. А какая хорошенькая, ути-пути. Небошь замерзла на улице. А пальтецо вон туда на стул брось.

Марину нельзя было назвать хорошенькой. Недавно ей исполнилось тридцать два года, черты лица у нее хотя и были правильными, но как-то не гармонировали между собой. Кроме того, тонкие губы и манера при разговоре выпячивать вперед челюсть с первого взгляда выглядели даже отталкивающе. Ко всему она еще и сутулилась. Но, несмотря на все

это, в ней был какой-то загадочный шарм.

Марина сняла пальто, уселась в кожаное кресло напротив женщины, радуясь в душе, что проникновение в дом прошло вполне удачно, так что она и сама не ожидала.

– Ты чаечек, моя голубка, пей горяченький, а-то на улице холодно, – сказала хозяйка, указав на столик, уставленный вазочками с печеньем, шоколадным тортиком, вафлями и еще какими-то сладостями.

Марина налила себе в чашку чая.

Два месяца назад от Марины ушел муж. Без объяснений – просто ушел, забрав свои вещи, и исчез совсем. Марина передумала много всякого. Четыре года их совместного, но бездетного брака не могли пройти даром, и чтобы вот так без слов уйти, не оставив даже записки... У Максима был друг Сергей, единственный друг. Все два месяца он успокаивал Марину, что все пройдет, Максим вернется со дня на день. Прошел месяц, потом – второй, но Максим не вернулся. Вчера Сергей позвонил Марине и дал этот адрес. Марина попыталась расспросить его, но вместо ответа Сергей сказал: "Черт его поймет. Там такое что-то, чего я не понимаю и не пойму никогда. Я думаю, тебе нужно самой поехать и поговорить".

И вот Марина пила чай с хозяйкой дома, не зная как начать разговор.

– Меня можешь называть Матильда, – сказала толстуха, улыбнувшись. На вид ей можно было дать около пятидесяти

пяти лет и килограммов сто пятьдесят не меньше.

"Как бы мне о ее дочери выведать? – думала Марина, наливая себе чай в фарфоровую чашку с иллюстрацией из "Кама сутры", даже забыв представиться. – Вопрос деликатный, неизвестно, как толстуха себя поведет, когда узнает, что я за другом ее дочери пришла".

– Ты, милочка, бутербродик вот с этим чудом попробуй, – порекомендовала хозяйка, указывая алым ноготком толстого пальца на блюде с сыром. – Это комомбэр сыр прославленный. Не самый, конечно, из самых, но у нас его любят. Ну, как?

– Вкусно, напоминает...

– Молчи! Обжора тебя побери! – взвизгнула Матильда. – Только не говори, что напоминает, иначе я с тобой тут же рассорюсь. У каждого продукта обязательно свой единственный вкус. А теперь попробуй вот эту сладость. Она приготовлена по старинному рецепту и называется струцель с миндальной массой. Помимо миндаля туда добавляется немножко, совсем чуть-чуть, розовой воды... ну вот, зачем сказала, ты бы и сама наверное определила. Вечно я спешу.

– Вы хороший кулинар, – сказала Марина, с удовольствием запивая чаем струцель. Вкус у него был немного странный, но, в общем, ничего.

– Я не кулинар. Я – Матильда, – с какой-то обидой в голосе сказала толстуха. – Я ценитель вкусов. Это, милочка, великое искусство. Может быть, даже большее, чем уметь при-

готовить. Ценить вкус нужно учиться дольше, чем учиться готовить: чтобы готовить есть кулинарные книги, а оценить вкус – это непросто.

– Чему же тут учиться? Если вкусно, то вкусно. Вот эта ваша трубочка с миндалем, – Марина повертела над столом остатком трубочки. – Вкусно – я и ем, а если не вкусно, – есть не буду.

– Это не так, – с легкой растяжкой в голосе произнесла Матильда, лениво покачав головой, от чего ее белокурый фонтанчик волос закачался, и всколыхнулись жирные щеки, от которых легкая рябь прошла по всему телу. Каждое ее движение вызывало колыхание плоти. – Вернее, не совсем так. Вкусу к пище нужно учиться. Вот если ты совсем ничего не понимаешь в живописи, разглядывая, ну, к примеру, портрет или натюрморт, какое ты сделаешь заключение?.. Правильно, похоже или не похоже. В понятии необразованного человека есть только два представления: он сравнивает с жизнью – ему просто больше не с чем сравнивать. Но ведь в живописи множество направлений: импрессионизм, кубизм, сюрреализм и здесь уже не хватит двух понятий, похоже – не похоже здесь нужно обладать знаниями и чувством, чтобы видеть в картине кубиста не только кубики да квадратики, а в картине импрессиониста не только пестроту и неровные мазки. Этому нужно учиться. Так и в искусстве еды.

Пожалуй, не такая уж она была и мерзкая, как показалось с первого взгляда.

– По-вашему в школах нужно обучать культуре еды. Я так думаю, если у человека есть вкус, то он может оценить еду и без учебы, – Марина взяла еще один струцель, – но ведь есть чувство голода, тогда съешь все что угодно.

– Ну, уж это чушь! – воскликнула Матильда, и тело ее всколыхнулось от негодования. – Есть, конечно, примитивное чувство голода, которое можно заглушить, нажравшись все равно чем и как, лишь бы много... Но вот тот кто не образован в области еды, например, жаренного голубя под соусом может принять за утку обычную.

– Голубя? Разве голубей едят? Я всегда думала, что голуби городские птицы.

– Да что ты, дорогая моя. Конечно, едят. Да голуби вкуснейшие создания, если их приготовить как следует. Если молодую голубку нафаршировать булочкой с корицей, мускатным орехом да потом обжарить, хорошенько поливая маслом до янтарной корочки, – эта голубка будет наивкуснейшим блюдом, а жареные голуби под грибным соусом чего стоят. О! Это птица деликатесная. Да из голубей несколько десятков блюд приготовить можно.

– Из наших городских голубей? – сомневалась Марина.

– Разумеется, из обычных голубей. Есть, конечно, и дикие голуби, но городские обладают особо тонким вкусом и ароматом. Не нужно думать, что есть чистая дичь, а есть ядовитая и в пищу не годная. Это полная чушь. Есть можно все. Даже то, что казалось бы противоестественно есть, и то от

чего другие болеют и умирают. Смотри как приготовить... Ну что, Обжора, встал как истукан. Все сделал, что велено? – вдруг строгим голосом сказала Матильда.

Матильда смотрела мимо Марины, она обернулась и вздрогнула – прямо за ее спиной стоял мужчина и улыбался какой-то садистской улыбочкой. Эта улыбочка больше всего не понравилась Марине, можно сказать, она даже напугала ее: так улыбаются в фильмах ужасов маньяки. На нем был серый костюм, галстук.

– Так точно, все исполнено... Никаких-х-х... Даже не пикнул. Хотя как теперь без повара. Где теперь нового будем искать?..

– Все, молчи! Не твое собачье дело. Где будем там и будем. А я знать ничего этого не хочу... – Матильда даже чуть привстала на диване. Она бросила на Марину внимательный взгляд.

– Здесь все, – он показал Матильде шкатулку, которую держал в руках.

– Молчи, Обжора... пошел наверх.

Хотя Матильда называла мужчину Обжорой, он выглядел не то что толстым, а даже наоборот худым: мелкие черты его лица, востренький носик с ввалившейся переносицей, тонкие тесемочки губ, мелкие глазки и особенно эта не сходящая с лица улыбка... Парочка, конечно, была странная: муж-подкаблучник с лицом ненасытного садиста и жирная Матильда. Обхохочешься!

Обжора неслышно вышел из комнаты, унося шкатулку. За ним бесшумно закрылась дверь, но Марина как загипнотизированная продолжала смотреть на эту закрытую дверь.

– Что же ты, милочка, халву не кушаешь, – сказала Матильда, как-то слишком уж ласково на нее глядя.

– Спасибо, я наелась.

– Так что я хотела сказать, я мысль свою не закончила, – оживилась Матильда. – Вот Обжора, – она мотнула головой в сторону двери, за которой исчез ее муж. – Ему все равно, что жрать, он существо элементарное. Есть примитивное чувство голода, которое можно заглушить, нажравшись... все равно чем и как, лишь бы много. Причем, существу элементарному с примитивным и буквальным вкусом Обжоры все равно, будет ли он есть нежнейшее мясо лебедея по-гамбургски с изюмом, акулий плавник в мексиканском соусе или картошку с постным маслом и куском жаренного мяса из морозилки – ему нужно набить живот. Пробуя, например, маршаль из рябчиков, элементарное существо скажет, что он по вкусу напоминает курицу. Хотя это абсолютно не так, просто в своей примитивной головке из своего ограниченного количества вкусов он выбирает что-то, к чему этот вкус можно привязать. Он никогда не ощутит настоящего вкуса, ему это не дано да и не нужно.

– Так что же ему делать? Ничего не есть? – Матильда все больше нравилась Марине, она уже не обращала внимания на ее необыкновенную толстоту.

– Пусть ест вареную полбу. Миллионы элементарных существ, которые бродят по планете, не смогут отличить медведя на косточке от замороженной баранины. Человек цивилизованный, интеллектуальный и духовный должен развивать и утончать свой вкус. Утонченность, если человек хочет, конечно, достичь радости и блаженства, нужна во всем – в любви, например. Если жена сантехника привыкла к примитивным грубым ласкам мозолистых рук малоразвитого мужа, то попавшийся на ее пути изощренный сластолюбец окажется непонятым. Жена сантехника просто не способна будет ощутить тех тонких еле уловимых ласк губ, прикосновений и поглаживаний кончиками пальцев, тихого шепота... Ее нужно дерзко завалить на спину и сделать свое дело однообразно и скучно, как она привыкла, тогда она получит долю своего простого удовлетворения. Конечно, любовные утехи приятны, но более изощренно, продолжительно и надежно наслаждение, которое мы испытываем, принимая тонкую пищу, идеально приготовленную, когда мы способны распробовать и распознать все ее оттенки. И удивительно, что музыка вкуса состоит, как принято считать, всего из пяти вкусов, при смешении которых и создается этот невообразимый восторг тела и души. Это горький, – Матильда стала загибать на руке пальцы, – сладкий, соленый, кислый и пятый, который встречается очень редко, например, в сыре "Пармезан", это вкус умами. – Она показала толстую руку с растопыренными пальцами. – И из этих пяти вкусов складывается

ся эта изумительная музыка вкуса. Иногда кажется все, это предел – более великого наслаждения ты не испытываешь никогда... Но проходит чуть времени и ты уже находишь нечто другое, более нежное, с более своеобразным запахом и вкусом. Причем, с возрастом это не притупляется и не надоедает, а наоборот оттачивается и утончается. Ведь самое главное заострить свой вкус, довести его до предела возможности и прозрачности. А предела здесь не бывает. Ты ешь каждый день, и каждый день ты можешь работать над собой и получать удовольствие, сравнимое с блаженством. Ну, если хочешь, с чувством восторга или с оргазмом – что тебе больше нравится. Но этому нужно учиться, а не превращать еду в физический акт. Ведь есть соитие по любви, а есть акт нужды.

Матильда замолчала.

– Как вы интересно рассказываете, я никогда не задумывалась об этом. Но почему вы сравниваете наслаждение вкусом с музыкой, ведь музыкальная гармония – одна из совершеннейших искусств. Недаром в живописи всего четыре краски, из которых складываются цвета, а в музыке семь нот, поэтому она совершеннее.

– Ну-у, это большой вопрос о совершенстве. Но ты заметила правильно, потому что на самом деле вкусов не пять, а семь, как и музыкальных нот, – она выдержала паузу. – Да их семь, но два других вкуса находятся... как бы это тебе сказать... по ту сторону морали и здравого смысла.

– Я не поняла, – улыбнулась Марина.

Матильда тоже улыбнулась, открыв ряд мелких желтых зубов.

– Есть вещи тайные, только для избранных, – уклончиво проговорила она.

– Я думаю, что не каждый может научиться есть. Вот мужа своего вы не смогли научить, – сказала Марина, переводя разговор.

– Мы не так давно вместе, но он способный мальчик. Я думаю, он научится... У тебя очень красивые волосы. Они полны силы и цвет необычный с голубоватым отливом. Просто отличные волосы. Отличные...

– А этот... – Марина замешкалась, подбирая слова. – Этот Обжора, разве не ваш муж?

– Обжора муж? Господи, как ты могла подумать?! – Матильда звонко расхохоталась. – Это элементарное не может быть мужем. Он может быть только слугой.

– А кто ваш муж?

– Послушай, я же не спрашиваю, зачем ты пришла? – как-то ехидно сузив глаза, проговорила Матильда.

Ощувив движение за спиной, Марина обернулась. Через комнату свободной походкой, широко размахивая руками, шел Максим. На нем был элегантный пестрый костюм, он немного похудел, но это ему пошло на пользу.

Максим, не обращая внимания на Марину, подошел к Матильде, склонившись, обнял ее за шею и поцеловал.

– Как я соскучился, моя прелесть.

– Я тоже, дорогой. Если бы не твоя бывшая жена, совсем бы от скуки умерла.

Максим повернулся к Марине и поправил очки.

– Зачем ты здесь? – спросил он, но как-то бесстрастно и отчужденно.

Марина молча смотрела на него, не отрываясь. "Но этого не может быть, здесь какая-то ошибка. Она ведь в два раза старше его... И потом, вообще... – Марина смотрела то на Максима, то на развалившуюся на диване Матильду. – Да нет, этого просто не может быть!".

– Зачем ты пришла? – вновь повторил Максим.

– Я думала... Я хотела... Ты ушел – я не знала что думать.

– Теперь знаешь? – холодно сказал Максим.

В волнении она встала. Марина была бледна, широко открытыми глазами она смотрела на Максима. Он поправил очки.

– Неужели непонятно – между нами все кончено. Давно. Ты взрослая женщина, ты должна понимать такие вещи... Я ведь просил Сергея объяснить тебе.

– Я все поняла, извини. Я, конечно, сделала глупость...

Марина заметалась в поисках пальто, запуталась, надевая его, руки дрожали. И уже одевшись, вдруг сделалась абсолютно спокойной и, засунув руки в карманы, вызывающе с ухмылкой стала глядеть то на Максима, то на спокойную так и не переменившую позы Матильду.

– А приходи к нам на свадьбу, – проговорила Матильда. – В пятницу, в шесть часов, повеселимся.

Марина, не изменив вызывающей позы, улыбнулась через силу и вдруг расхохоталась, стараясь сделать это громко и дерзко – уязвить, обидеть этим хохотом. Потом повернулась и, похохатывая, зашагала к двери. Возле двери оказался Обжора. Он все так же был в костюме, и садистская усмешечка еще не сползла. Марина, пыталась обойти его, отступила вправо, но в это же мгновение Обжора бросился в ту же сторону. Марина отступила влево, но глупый Обжора, уступая ей дорогу, кинулся туда же, и снова Марина отступила и снова столкнулась с ним.

– Обжора, пропусти ее, – раздраженно рывкнула Матильда.

Это только потом Марина поняла, что не от глупости своей Обжора не давал ей проходу, что он нарочно не выпускал ее, и ей станет по-настоящему страшно.

Марина выскочила из дома, сердце бешено колотилось, в глазах стояли темные пятна, значит, снова начинался приступ дистонии. Она на минуту остановилась на пороге дома, потом, плохо соображая, бросилась к двери в заборе, над которой горела стоваттная лампочка. Толкнула дверь...

– Что за черт, – она провела по шершавой поверхности ладонью. – Что за чертовщина...

Дверь была нарисована на бетонной стене забора. Нарисованы косяки, ручка и петли, только лампочка, освещавшая

дверь, была настоящая.

Марина с тоской огляделась по сторонам. Сад был темен, свет горел только в окнах первого этажа, больше дверей в заборе заметно не было. Сама мысль о возвращении в дом была ей отвратительна. Господи, какому идиоту потребовалось освещать нарисованную дверь. И тут в конце дома она увидела человека, он направлялся в ее сторону. С освещенного места разглядеть его не представлялось возможности. Он держал в руках какую-то длинную палку. Сторож, что ли? На память пришла злодейская улыбочка Обжоры. Марине сделалось вдруг страшно. Она поборола внезапную дрожь в ногах и сделала шаг по направлению к приближающемуся человеку.

– Скажите, как отсюда выйти? – она кивнула в сторону нарисованной двери.

– Скажу, – проговорил человек, вступив в зону света. – Эни, бени, раба...

Это был уже знакомый Марине тип с мохеровым шарфом на голове, в руке он держал грабли.

Марина посмотрела на него со злостью.

– Квинтер, финтер, жаба, – чуть слышно ответила она, понимая, что другого способа наладить контакт с дурачком не имеется. Но он услышал ее отзыв и снова как тогда на улице зашелся восторгом.

– Тут дверь на стене нарисована. Не знаешь, как отсюда выйти, а? – сердито проговорила Марина.

– Это моя дверь, она в мой мир. Она закрыта, – сказал дурачок, разведя руками. – А я здесь работаю, – он показал грабли. – Мне дверь нарисовать разрешили, она в мой мир внутренний.

"Господи, еще в твой мир попасть не хватало", – подумала Марина, а в слух сказала:

– Плевала я на другой мир, мне на улицу выйти нужно.

– На улицу – это, пожалуйста.

Молодой человек, опираясь на грабли, пошел вдоль дома. Марина последовала за ним.

Через десять метров в заборе обнаружилась настоящая дверь, она не была освещена и потому совершенно незаметна в темноте сада.

– Приходи, – сказал дурачок, выпуская Марину на освещенную улицу.

Дверь за ней захлопнулась. Ну да, это была та самая дверь, в которую она входила. Тогда зачем им нарисованная?.. Да плевать!

Марина шла по улице в расстегнутом пальто без шапки, которую оставила в доме Матильды. В голове было пусто, в глазах темно, как и в душе.

На автобусной остановке два голубя бродили под ногами, выискивая на грязном асфальте пищу. "И вас съест жирная тетка, если не будете осторожны, – подумала Марина. Она впервые в жизни смотрела на голубей как на еду, раньше ей и в голову не приходило, что из них можно готовить удиви-

тельные блюда.

– И меня съест... – прошептала она и улыбнулась. – Всех съест.

Она подняла глаза и увидела на столбе объявление, напечатанное ярко- желтыми буквами:

КУПЛЮ ВОЛОСЫ

Глава 3

Жизнь председателя

– Питер Брейгель терпеть не мог детей. Вы посмотрите на их типично идиотические лица. Это ведь выродки какие-то.

– Эти детские выродки со временем превращались в уродов-взрослых, у него ведь и взрослые такие же. Но мне они симпатичны, потому что они не мрачные, а веселые уроды. Даже самый совершенный мрачный человек хуже веселого урода, – возразил Максим, посмотрев на женщину.

– Да, это верх черного юмора. Мне кажется, Брейгеля никто не воспринимает как черного юмориста. А меня Матильда зовут, – сказала женщина и улыбнулась, этак кокетливо поведя плечиком.

"Жирное чудовище, – подумал Максим. – Она еще заигрывает, с ума сойти".

Матильда была в белом костюме, хотя это зрительно увеличивало ее тело, придавая ему невнятность и необъятные размеры. Но, похоже, это ничуть ее не смущало. На голове была огромных размеров шляпа с розовым пером экзотической птицы. Одно это небрежно развивающееся на шляпе перо стоило двухмесячной зарплаты, которую Максим получал в своем издательстве.

Максим случайно оказался на выставке. Он и идти-то не

хотел, хотя Брейгель ему нравился, но только здесь сегодня он понял насколько.

Потом они с Матильдой прохаживались по залу, говорили о Босхе и Малевиче, а еще о Бахе.

– А поедemте ко мне в гости, – вдруг предложила Матильда и расхохоталась. – Да не бойся, я же тебя не съем.

Максим побывал у нее три раза, на четвертый она предложила ему остаться насовсем. Первую ночь, когда они были вместе, он думал, что его стошнит. Потом ничего привык как-то, даже начало иногда нравиться, во всяком случае, о Марине – своей бывшей жене – он совсем не думал. Она почему-то сразу ушла из его жизни, и если вспоминалась, ничто внутри него не вздрагивало.

Он как-то незаметно для себя полюбил, положив голову на огромный мягкий бюст Матильды, слушать рецепты приготовления экзотических блюд. Она знала наизусть тысячи рецептов из разных стран мира. О гвинейской птице Бауба, клокочущей зобом так, что кажется слышен в ее песне звук океанского прибоя, которая готовится в глиняном сосуде, закопанном в землю на 2 дюйма с травами выжженной равнины, и от вкуса которой людей охватывает помрачение ума, и они начинают видеть мертвых предков; о редкой озерной рыбе Анабас, которая многие десятки километров может проползти на плавниках в поисках невысохшего водоема, но, приготовленная индейцами племени Карауги,

источает упоительный аромат на сотни метров, о вкусе которой местные краснокожие индейцы складывают песни, а женское тело после употребления Анабаса становится молодым и упругим; об ушах жирафа южной Америки, засоленных в выдолбленной деревянной миске, секрет приготовления которых знают только местные аборигены; об оленьем вымени, закопченном эскимосами Аляски, после съедения которого не страшен никакой мороз; о салате из крошечных птичек Колибри; о жареных лапках богомолов; о блюде из тушеного языка индийского слона...

– Ты замечал, мой мальчик, как едят люди? По тому, как ест человек, можно распознать его характер. Есть люди, которым совершенно не идет есть. Они как будто делают что-то непристойное, на них и смотреть-то стыдно. Но есть люди, которые едят будто танцуют. Наблюдать за ними – эстетическое удовольствие, удовольствие в наблюдении за процессом. Во время еды проявляются многие человеческие комплексы. Всякий при еде на людях старается скорчить из себя что-то особенное, он наблюдает за процессом своей еды словно со стороны. И совсем другое дело, когда он ест дома наедине с собой. Часто человек отвратителен в эти минуты. Ты видел, как ест Обжора? Это омерзительно. Даже на людях он старается, но не может побороть свою гнусную суть. Вся суть человека вылезает наружу, когда он ест, хоть и пользуется ножом и вилкой.

Матильда обучала Максима, как распознавать вкус и за-

пах блюд. За первый месяц он перестал питаться в столовых, макдональдсах и прочих заведениях быстрого питания. Рестораны они с Матильдой посещали только особенные. Не всегда это были дорогие заведения, но Матильда знала, где готовят правильно. Каждый день из этих ресторанов к ним домой доставляли готовые блюда. Вкус Максима обострился, он уже распознавал тончайшие оттенки и запахи блюд и напитков. Это было удивительным и новым для него ощущением – у него словно менялось мировоззрение. Каждое экзотическое блюдо несло в себе не только вкус, запах и внешний вид, но и особые ощущения, отклик организма. Все зависело от пропорций тех или иных продуктов. Были эротические блюда, после которых в организме разгоралась буря сексуальных желаний; были блюда, после которых активно начинал работать мозг, некоторые из них успокаивали или наоборот возбуждали; были блюда, которые лечили болезни – от других, если употреблять их часто, болезни наоборот развивались. Все это было сложной наукой, которую нужно было изучать, и он погрузился в нее с головой. Максим не любил учиться, но здесь было совсем другое, здесь было то, к чему, как оказалось, он стремился всю жизнь.

– В свободное от еды и отдыха время Матильда занималась рукоделием. Она создавала дивные шкатулки из человеческих волос. Каждая шкатулка была произведением искусства. Иногда Матильда выставляла их на выставках народных промыслов, и ее шкатулки привлекали особое вни-

мание посетителей. Для этого она покупала волосы или их приносил Обжора.

Уже более десяти лет Матильда являлась председателем клуба "Петербургский гурман". Как правило, ежемесячные собрания клуба проходили в доме культуры имени известного гурмана и обжоры времен социалистического реализма Максима Горького или у кого-нибудь из членов клуба на дому, в тех случаях, когда опробовалось новое редкое блюдо. В городе поговаривали, правда, что бывают и тайные собрания Клуба, но это все были ничем не подкрепленные слухи.

Клуб "Петербургский гурман" считался элитарным закрытым обществом и попасть туда было непросто. Требовалось три рекомендации членов клуба, после чего кандидатура еще долго обсуждалась на собраниях, назначали испытательный срок и уже только после этого допускали к столу. А вот вылететь было элементарно – стоило только застучать члена элитарного Клуба с шавермой в руке – и можно было писать заявление об уходе по собственному желанию.

Народ, посещавший "Петербургский гурман", был разный: два банкира, оставлявшие охранников за дверью; один прославившийся в криминальных кругах бандитский авторитет, в миру известный как Бульжник; отец-основатель секты "братья по разуму"; гипнотизер и экстрасенс Эдуард Павлович. Его всегда сопровождала группа учеников, готовых по первому же мановению Учителя защитить – убить,

покалечить кого угодно, хоть себя. Ученики были полностью лишены индивидуальности. Они словно были в своем учителе – внутри и одновременно одними из его живущих отдельно органов. Была болтливая и назойливая, как муха, Тамара Петровна, но с песьим обонянием настолько тонким, что любое блюдо она могла определить через плотно закрытую крышку. Был рабочий Никодим – огромного роста человек со звериным чутьем, малоразвитый и грубый. О нем говорили, что он на двойки закончил школу для умственно отсталых детей, но вкус к еде имел безупречный. Был инвалид, которого все называли Филолог. Члены Клуба побаивались и сторонились его. Приходил и Павел Владимирович – великий изобретатель новых небывалых блюд, сочетая в них не сочетаемое, смешивая не смешиваемое (самую грубую пищу с самой нежной), получая столь изумительный изысканный вкус, что на его обеды, которые он устраивал ежемесячно, с удовольствием собирались все члены клуба. Делала исключение даже Мария Ивановна – известная вегетарианка, но страстная любительница домашних животных. Имелся и свой рыбак Иван Иванович, выращивавший в домашних аквариумах питательную и вкусную в рыбном рагу Золотую рыбку, Барбусов и Гуппи, ну и, конечно, неповторимых по вкусу Хромисов. Был среди членов Клуба и один неприметный человек, совсем ни с кем не разговаривавший, евский всегда что дают, не требовавший себе что получше – ножку там грудку или язычок, – но было всегда видно, что в мыс-

лях он что-то держит. И хотя по всему он не обращал на себя никакого внимания, но вот именно его вырывал непривычный глаз из толпы народа, именно на него – черт знает почему! – хотелось посмотреть вторично. Звали его Феликс Моисеевич. Никто о нем ничего не знал, кроме того, что когда-то он пострадал от теракта и с тех пор слегка не в себе.

В общем, много разного народу приходило.

Глава 4

Свадьба

Дверь открыл мужчина во фраке и белых перчатках. Щеки его были вымазаны румянами, нарисован огромный рот, глаза обведены, а вместо носа – большой красный шарик из губки. Несмотря на все эти украшения, вид у человека был довольно унылый, возможно, из-за несоответствия клоунского лица и строгого костюма. Марина взгляделась ему в лицо, пытаясь распознать Обжора это или нет, но так и не поняла. Слегка поклонившись, он пропустил Марину во двор. Двор переменялся – кусты и деревья были обвиты светящимися огнями гирлянд, в доме горели все окна, хотя на улице только начало темнеть. Кое-где под кустами грязными пятнами, дожидаясь весны, лежали остатки снега, и в этом тоже наблюдалось некоторое несоответствие – праздничные гирлянды и грязный снег – впрочем, все это, возможно, только казалось Марине, в душе которой тоже был какой-то разброд.

Они прошли вдоль дома. Марина отыскала глазами нарисованную на стене дверь. В конце сада увидела она и знакомую фигуру в черном пальто с шарфом на голове, на этот раз он был в компании с женщиной. Их радостные голоса было слышно издали.

"В мире этих людей никогда не бывает пасмурно: в нем

всегда светит солнце", – с тоской подумала Марина.

– Прошу сюда, – глухо проговорил полуклоун-полуметродотель, и по голосу Марина узнала Обжору.

Он вежливо распахнул перед ней дверь, и Марина вошла в большую залу, которая в первый раз показалась ей такой мрачной. Она и сейчас не изменилась, здесь стоял все тот же полумрак. На столе, накрытом персон на тридцать, горели свечи в канделябрах, на дальнем его конце сидели жених и невеста. Боже! Какой расплывшейся показалась Марине невеста в белом свадебном платье – просто баба на чайник. Жених был в черном костюме с бабочкой, элегантный и изящный, в полумраке поблескивали очки в позолоченной оправе. Парочка была комическая, так что становилось весело, но почему-то и страшно одновременно так, что хотелось уйти и больше никогда не видеть этих людей. Марина, конечно, ожидала нечто необычное, но не могла себе представить, что это будет выглядеть столь странно. "Какой-то карнавал, – подумала Марина. – Идиотский карнавал... А карнавал-то, пожалуй, на кладбище, – пронеслась в голове странная мысль. – И чего я сюда притащилась, как дура?"

– Ну что стоишь, как столб? Садись, а то нам "горько" кричать некому.

Матильда махнула рукой, предлагая Марине сесть.

– А чего это нет никого. Никто не захотел на вашу свадьбу приходить, да, Максим? – с вызовом сказала Марина, снимая пальто, которое тут же подхватил клоун. Она заранее

решили, что будет вести себя нагло.

– Ты за гостей не беспокойся, – вместо Максима ответила его новая жена. – Ты сегодня главнее гостей, поэтому во главу стола и садись.

Марина села напротив молодоженов, и хотя их разделял длинный стол, но было отчетливо слышно каждое произнесенное на другом конце слово, должно быть, акустика зала была специально так устроена.

Тут же к ней подскочил лакей-клоун с блюдом на тарелке, налил вина. Все это было сделано быстро, учтиво и почти незаметно – из-за спины вдруг появлялось блюдо с закусками, рука в белых перчатках снимала крышку...

– Ты хорошо сделала, что пришла, – между тем говорила Матильда, пригубив из бокала красного вина. – Ты сегодня деточка таких кушаний отведаешь, каких никогда не ела в жизни своей. Да и посмотреть на тебя все хотели.

– А чего на меня смотреть? – как можно более развязно сказала Марина, и ее тонкие губы скривились в улыбке. – Разве у меня сегодня свадьба. У меня сегодня горе – вот, любимого человека отдаю, надеюсь, в хорошие руки. Вы уж его не обижайте, – иронически усмехнулась Марина. Но ирония ее осталась без ответа.

Она пришла сегодня в этот дом в последний раз, преследуя единственную цель, – понять, почему все так произошло, да и скорее даже поиздеваться над этой несуразной парочкой. Она уже не испытывала к Максиму былых чувств, за

пять месяцев они успели отмереть, она даже не представляла себе, что это может произойти так скоро. Сейчас уже он был для нее чужим человеком, и этот вечер был у них прощальным. Почему бы ни поглумиться на полную катушку. Сами пригласили, теперь терпите.

– Ты ешь, милочка. Удивительный салат, – говорила Матильда, даже в день своей свадьбы не в силах забыть о еде. – Этот салат приготовлен из жаворонков Курской области, ведь именно там, как известно, выводятся птицы самых вкусных сортов. Этот салат пробуждает в женщине чувственность, а в мужчине лень и сонливость, поэтому не рекомендуется есть его вместе с мужчиной, с которым ты хочешь провести вечер.

– Салатик ничего, – сказала Марина. – А мы так втроем и будем?

Она старалась есть небрежно, чтобы вывести из себя жирную Матильду.

– Ты не беспокойся, гости еще придут, – наконец, сказал Максим.

– Гости наверное придут, когда пробьет полночь и будут пить человеческую кровь, – пошутила Марина.

Но шутка эта Матильде не понравилась, а Максим только улыбнулся язвительно.

Подали следующее блюдо. То ли от выпитого вина, то ли от мерцания свечей настроение Марины переменялось: ей больше уже не хотелось язвить и издеваться над молодеже-

нами – она с удовольствием ела подаваемые ей кушанья, слушая нескончаемые рассказы Матильды о седле барашка, о тушеных обезьяньих мозгах, о сладких карапутах с орехами... И уже после третьего блюда была сыта по горло то ли от съеденного то ли от услышанного. А блюда все подавали.

Максим и Марина ели молча, говорила только Матильда. В процессе свадебного ужина Максим два раза куда-то выходил и, вернувшись, шептал что-то на уха Матильде. Молодожены на молодоженов походили только благодаря нарядам. За все время они ни разу не поцеловались, и вообще свадьба эта больше напоминала похороны. Вот только чьи? А Марина еще дома решила для себя, что не произнесет слова "горько", нарочно не произнесет. Да, похоже, молодоженам этого было и не нужно.

За дверью залы, прервав разглагольствования Матильды на полуслове, вдруг послышался шум многих голосов, Марина оглянулась. Обе створки расположенной за ее спиной двери вдруг распахнулись, и в зал вошли люди, много людей.

– Дорогие мои! – воскликнула Матильда, поднимаясь из-за стола и разводя массивными руками. – Как хорошо, что вы приняли наше приглашение.

Максим тоже поднялся навстречу гостям, но сделал это по наблюдению Марины неохотно, она давно изучила все его повадки.

Гостей пришло ровно по количеству накрытых приборов, но прежде чем сесть за стол, каждый из них подошел к мо-

лодоженам. Мужчины церемонно целовали пухлую ручку невесты в белой перчатке, поздравляли жениха. Зал наполнился гомоном и цветами, которые клоун ставил в большие вазы. Из похоронного мероприятия грозило превратиться в праздник.

Гости были разнообразного возраста и социального положения, но каждый из них имел какой-то свой эдакий выверт, который не вдруг бросался в глаза, а только при более близком вникании. Из всех особенно выделялся мужчина лет пятидесяти весь в черном, как работник похоронной службы, настолько высокого роста, что был на две головы выше самого рослого мужчины, он передвигался как-то механически и лицо имел с улыбкой, окоченевшей улыбкой, но особенно у него выдавались уши, большие и оттопыренные. Другой молодой мужчина весь был какой-то чрезмерный: элегантно одетый, но как-то уж слишком элегантно, с большими карими глазами на абсолютно красивом лице, даже чересчур красивом, с чересчур чарующей улыбкой, чересчур ровными зубами. Другой так и вовсе был инвалидом – смертельно бледный, без трех пальцев на левой руке, без уха и хромал на обе ноги. Дамы в основном возраста преклонного, вертявые и восторженные, была, правда, среди них одна совсем юная особа с прозрачно-белой кожей и распущенными рыжими волосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.